

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОСЕТИНОВЕДЕНИЯ: ИНАЛ СОБИЕВ

Л. К. Гостиева

В статье рассмотрена деятельность И. Т. Собиева в области осетиноведения. Прослежено его плодотворное творческое сотрудничество с выдающимся русским ученым В. Ф. Миллером в области осетинского языкознания, этнографии и фольклористики. При составлении ученым осетинско-русско-немецкого словаря Собиев выступил как консультант по дигорскому диалекту осетинского языка и собиратель дигорских слов. Отмечено активное участие Собиева в середине 20-х гг. XX в. в доработке, расширении и подготовке к изданию осетинско-русско-немецкого словаря Миллера. Собиев известен также как собиратель памятников дигорского устного народного творчества. Представленные им три исторические песни были включены в опубликованный Миллером сборник «Дигорские сказания». В статье акцентировано внимание на деятельности Собиева в качестве члена-сотрудника Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ИОЛЕАЭ). Рассмотрены очерки Собиева по этнографии и фольклору Осетии, опубликованные в областной периодической печати. Проанализирован его очерк «В Дигорском ущелье» (1901), а также неопубликованная рукопись «Дигорское ущелье», посвященная историко-этнографическому описанию горной Дигории. Особо отмечена ценность воспоминаний Собиева о работе Миллера над осетинско-русско-немецким словарем и сборником «Дигорские сказания». Наряду с воспоминаниями Собиева о Миллере в статье широко использованы и его письма к ученому. Воспоминания стали одним из важных свидетельств о последней научной поездке Миллера в Осетию летом 1901 г., которая ставилась под сомнение исследователями. Уточнены и конкретизированы основные вехи биографии героя статьи. Уделено внимание общественной деятельности Собиева как активного участника Юго-Осетинского издательского общества и осетинской газеты «Ног цард» («Наша жизнь»). Таким образом, на обширном материале продемонстрирована многогранная деятельность И. Т. Собиева в собирании и изучении памятников осетинской традиционной культуры, фольклора и языка.

Ключевые слова: И. Т. Собиев, В. Ф. Миллер, осетиноведение, Дигорское ущелье, этнография, фольклористика, религиозные верования, семейная обрядность.

The article considered the I. T. Sobiev's activities in Ossetian studies. His fruitful collaboration with the outstanding Russian scientist V. F. Miller in the field of Ossetian linguistics, ethnography and folklore studies is traced. In compiling by the latter of the Ossetic-Russian-German dictionary Sobiev was a consultant for the Digor dialect of the Ossetian language and collector of the Digorian words. Sobiev's active participation in the mid 1920s in finalizing, expanding and preparing for edition of the Miller's Ossetic-Russian-German dictionary is noted. Sobiev is also known as a collector of monuments of the Digor folklore. The three historical songs, presented by Sobiev, were included in the compilation published by Miller. The article focuses attention on Sobiev's activity as a member-employee of the Ethnographic Department of the Natural sciences, Anthropology and Ethnography Imperial Society at the Moscow University. The essays by Sobiev on ethnography and folklore of Ossetians, published in the periodical press, are considered. His essay «In Digor Gorge» (1901), and his unpublished manuscript «Digor Gorge» devoted to historical-ethnographic description of mountainous Digoria are analyzed. The value of Sobiev's memoirs on Miller's compilation of the Ossetic-Russian-German dictionary and the «Digorian tales» compilation is highlighted. Together with the Sobiev's memories about Miller his letters to the scientist are widely used in the article. His memories have become one of the important sources about Miller's last scientific visit to Ossetia in

the summer of 1901, the fact that was questioned by the researchers. The article's hero's biography key milestones are precised and fleshed out. Special attention is paid to the social work of Sobiev as an active participant in the South-Ossetian publishing society and in the Ossetian newspaper «Nog Tsard» («Our Life»). So, Sobiev's many-sided activity in collecting and studying the monuments of the Ossetian traditional culture, folklore and language is shown on the extensive data.

Keywords: I. T. Sobiev, V. F. Miller, Ossetian studies, Digor Gorge, ethnography, folklore, religious beliefs, family rituals.

Инал (Иван) Тотукович (Тотурукович) Собиев родился 21 ноября 1874 г. в с. Христиановское (ныне г. Дигора РСО-Алания) в многодетной семье Тотурука и Гоцага Собиевых [1, 281]. У Инала было восемь братьев и три сестры. Первоначально его предки жили в с. Фаснал (Дигорское ущелье). Примерно в конце XVIII в. четыре семьи из фамилии Собиевых переселились в с. Мусгау, а две семьи — в предгорное с. Фадау (выше с. Къора, ущелье Сауаридон). Семьи Собиевых из с. Мусгау переселились на моздокскую равнину, в основанную жителями в 1809 г ст. Ново-Осетинскую. Семьи Собиевых из с. Фадау, в том числе семья Тотурука Собиева, в 1852-1853 гг. стали жителями новообразованного равнинного селения Христиановское [2].

Инал Собиев учился в церковно-приходской школе. Его учителем был один из первых просветителей Осетии Фома (Кала) Гатуев, позже трагически погибший в Дигорском ущелье.

Инал продолжил обучение во Владикавказском реальном училище, которое окончил в 1896 г. с отличными оценками. В том же году, успешно выдержав конкурсные экзамены, он поступил в Императорское Московское высшее техническое училище (ныне Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана). Во время обучения он получал «кавказскую» стипендию, которую выделил для него Кавказский учебный округ. В своих воспоминаниях И. Т. Собиев писал по этому поводу: «И, действительно, судьба мне улыбнулась. На мое счастье, попечитель Кавказского учебного округа Яновский, объезжая свой округ, случился у нас на выпускном экзамене и за отличные успе-

хи объявил мне, что назначает мне Кавказскую стипендию в Московское Высшее Техническое училище по выдержании конкурсных экзаменов» [3, 121-122].

В 1901 г. Собиев «при отличных успехах в науках» окончил курс механического отделения высшего технического училища и получил звание инженера-механика. Он был первым представителем Осетии, окончившим этот престижный вуз.

После окончания училища Собиев в течение года отбывал воинскую повинность в Осетинском конном дивизионе, расквартированном в то время в г. Пятигорске Терской области.

В октябре 1902 г. Собиев приехал в Тифлис для получения назначения на службу. Как получавший во время учебы «кавказскую» стипендию, он обязан был в течение шести лет прослужить на Кавказе.

Первым местом службы Инала Собиева стали Главные тифлиские железнодорожные мастерские (ныне Тбилисский электровозостроительный завод), в которых он работал мастером столярного цеха [4, 8]. Рабочие предприятия были движущей силой рабочего движения Закавказья. В 1903 г. Инал принял участие в забастовке, которая произошла в мастерских.

С сентября 1904 г. Собиев начал работать помощником начальника участка «Самтрети-Батуми» Закавказской железной дороги [4, 8], а в 1905 г. стал начальником участка. Он был активным участником революционных событий 1905 г. и входил в забастовочное бюро участка «Самтрети-Батуми» Закавказской железной дороги [5]. О своей революционной работе Собиев оставил подробные воспоминания [4, 1-54].

20 января 1906 г. Инал Собиев был арестован и посажен в Кутаисскую тюрьму, а затем сослан в ссылку в Армению в г. Александрополь (с 1924 г. Ленинакан (ныне Гюмри)) [6, 2]. В конце 1906 г. в качестве меры изоляции от рабочих власти направили его на работу в управление Закавказской железной дороги, расположенное в Тифлисе. Многие годы Собиев оставался под негласным надзором полиции. С 1909 по 1916 г. Собиев вновь работал на участке «Самтрети-Батуми» Закавказской железной дороги.

Несмотря на свое пребывание в Грузии, Собиев периодически бывал в Осетии и был в курсе всех ее наиболее значимых общественных событий. Так, он входил в группу осетинской творческой интеллигенции, которая добивалась в Северной Осетии выпуска первой газеты на осетинском языке «Фидиуаг» («Глашатай») [7, 11-12]. В январе и марте 1906 г. А. С. Бутаев подавал ходатайства об издании газеты, но они были отклонены властями Терской области. В апреле 1906 г. ему, наконец, удалось добиться разрешения на издание газеты, которая вышла под названием «Ирон газет». С самого первого номера, который вышел 23 июля 1906 г., газета поднимала актуальные проблемы аграрной политики, публиковала острые материалы о бедственном положении осетинского крестьянства. Редакции удалось выпустить только девять номеров газеты, которая 29 августа была закрыта властями. Редактор газеты Бутаев был сначала арестован на два месяца, а потом выслан из Терской области.

В эти годы Собиев был одним из активных деятелей Юго-Осетинского издательского общества, созданного в Тифлисе представителями осетинской интеллигенции после того, как Северо-Осетинскому издательскому обществу «Ир», образованному в ноябре 1906 г. во Владикавказе, не удалось получить разрешение на открытие филиала в Тифлисской губернии.

В начале века в Тифлисе проживало около шести тысяч осетин, однако они не имели ни школ, ни газет, ни театра на осе-

тинском языке. Сплотить осетинскую диаспору мог только печатный орган на родном языке. С этой целью 7 мая 1906 г. в с. Авчала на собрании осетин была избрана комиссия для выработки устава Осетинского издательского общества и избрано правление, председателем которого стал один из видных общественно-культурных деятелей Осетии Христофор (Пора) Зурабович Джигоев, священник тифлисского Сионского собора, преподаватель Закона Божия в Первой мужской гимназии Тифлиса и многолетний цензор осетинских изданий.

В сентябре 7 октября 1906 г. Канцелярией заместителя на Кавказе и тифлисским губернатором был утвержден устав общества, по которому оно имело право открывать школы, читать лекции, издавать газеты и литературу на осетинском языке [8].

25 мая 1907 г. было избрано новое правление общества, председателем которого стал И. Т. Собиев, и организована редакционная комиссия. Собиев оставался председателем правления общества вплоть до 1909 г., когда он был переведен на работу из Тифлиса в Батуми (участок «Самтрети-Батуми» Закавказской железной дороги).

При содействии Осетинского издательского общества были созданы вечерние курсы для взрослых, в рамках осетинской секции народного университета читались лекции по различным темам. При обществе действовал осетинский любительский драматический кружок, ставивший спектакли по пьесам осетинских и русских драматургов. Среди осетинских авторов были Коста Хетагуров, Елбыздыко Бритаев, Александр Кубалов и др. Собиев занимался организационными вопросами подготовки спектаклей драматического кружка. Вот что он писал о первой постановке пьесы Е. Бритаева «Хазби» в новом здании тифлисского театра оперы и балета: «Я вспоминаю, как торжественно готовились мы к этой постановке. Пригласительные билеты и просто театральные билеты продавались и разносились нашими молодыми сотрудниками... Декорация для «Хазби» была

подобрана великолепно. Наши любители играли с большим подъемом. Хотя театр и не был переполнен, но народу было все же много и в драматических местах “Хазби” театр, казалось, плакал весь» [6, 5-6]. Позже, 13 апреля 1913 г., главную роль в этой пьесе сыграл брат Инала Тотруковича — Амурхан Собиев, позже работавший учителем в Северной Осетии. Однажды он выступил и как режиссер, осуществив 4 марта 1914 г. постановку пьесы Коста Хетагурова «Дуня» [9, 43, 46].

Один из осетинских драматургов — священник (впоследствии протоиерей) Стефан Мамитов [10, 310-314] посвятил Иналу Собиеву свою пьесу «Налхъуытæ» («Налкута») или «Чи цы агуырдатæ, уый ссардатæ» («Что искал, то и нашел») [11, 1]. Впервые драма была поставлена труппой кружка 1 (14) апреля 1913 г. в Тифлисе на сцене народного дома Зубалова.

В 1907 г. общество издало букварь «Ирон ныхас» («Осетинская речь»), составленный Бидзина Кочиевым. Однако основное внимание общества было сосредоточено на издании осетинской газеты «Ног цард» («Новая жизнь»), вышедшей в свет 8 марта 1907 г. Для газеты был закуплен осетинский шрифт. Первым редактором газеты был П. Г. Тедеев, а с 25 мая 1907 г. ею фактически руководила редакционная комиссия (формально редактором и одновременно наборщиком был Цицка Цховребов). Сотрудниками газеты в основном являлись представители осетинской интеллигенции, работавшие в Тифлисе. Причем сотрудники, за исключением наборщиков и сторожа, работали бесплатно. Газета имела развитую сеть корреспондентов по всей Осетии.

Газета издавалась на средства театральных постановок, подписного сбора и частных пожертвований. Она распространялась во Владикавказе, Цхинвале, Баку, Батуми и других городах. Максимальный тираж газеты составлял 800 тыс. экземпляров, выходила она два раза в неделю. Кавказский цензурный комитет назначил цензором газеты Христофора (Пора) Джиоева.

Продолжая традиции закрытой к тому времени во Владикавказе газеты «Ирон газет», «Ног цард» публиковала много критических статей по общественно-политическим и экономическим вопросам, народному образованию, здравоохранению, дорожному строительству. В газете уделялось внимание борьбе с кровной мезьей, калымом, разорительными поминками. В ней печатались произведения Коста Хетагурова, Сека Гадиева, Цомака Гадиева и др. Собиев довольно часто помещал в газете свои статьи под именем «Инал», «Инал Т.» и псевдонимом «Хъалти лимæн»: «Кристонхæу» [12], «Нæ сахæстæ — нæ марду кæнд» [13] и др.

Выпуск газеты «Ног цард» продолжался всего десять месяцев (вышло 75 номеров, последний номер — 31 декабря 1907 г.), однако значение газеты, способствовавшей развитию просвещения и культуры, национального самосознания осетин, было велико.

В 1946 г. по просьбе руководства Северо-Осетинского научно-исследовательского института (ныне СОИГСИ) И. Т. Собиев написал воспоминания «Южно-Осетинское издательское общество 1906-1909 гг. и газета «Ног цард»» [6, 1-13], которые были признаны «весьма нужным материалом для освещения вопросов истории осетинской периодической печати, театральных представлений, культурно-просветительской работы передовой осетинской интеллигенции и общественного движения в Осетии в период после революции 1905 г. Очень ценно раскрытие псевдонимов сотрудников газеты «Ног цард». Среди них оказываются видные культурные деятели» [6, 1]. Информация о псевдонимах двадцати девяти сотрудников газеты «Ног цард» впоследствии широко использовалась исследователями осетинской литературы.

На втором съезде делегатов Южной Осетии, проходившем в Цхинвале 15-17 декабря 1917 г., И. Т. Собиев в числе 30 человек был избран в Юго-Осетинский Национальный Совет. Одним из вопросов,

поставленных на съезде, был жизненно важный вопрос о строительстве Закавказской перевальной дороги, которая должна была соединить Южную и Северную Осетию. Докладчиком по строительству ветки Цхинвал — Зарамаг на съезде выступил Рутен Гаглоев, друг Инала Собиева по Осетинскому издательскому обществу.

Съезд поручил Национальному Совету изыскать средства для начала строительства перевальной дороги через Рокский хребет. Через некоторое время начались строительные работы, организатором которых был Рутен Гаглоев. В 1918 г. Собиев подключился к поиску необходимых материалов для производства строительных дорожных работ. Вместе с Рутеном Гаглоевым и Николаем Кудуховым он отправился в Батум, где в тот момент проходила ликвидация Батум-Трапезунской железной дороги. Используя свои старые связи, он сумел договориться о получении материалов для начала строительства. Р. Гаглоев и Н. Кудухов, оставшиеся на месяц в Батуме, вывезли в Южную Осетию в четырех вагонах 1000 пудов динамита, 850 пудов скального пороха, 700 пудов английской стали для буров, большое количество лопат, кирок, молотов и т.д. [14] Используя труд нескольких сотен китайцев, которых нанял Гаглоев, в районе с. Хвце были начаты дорожные работы. Однако продолжению строительства помешала агрессия грузинских меньшевиков. Во второй половине 1920-х гг. Рутен Гаглоев спроектировал тоннель через Рокский перевал и в 1930 г приступил к его строительству, но Великая Отечественная война не дала возможность продолжить строительство тоннеля. В 1974 г. был утвержден план строительства Транскавказской автомагистрали, а в 1976 г. начались взрывные работы. 4 ноября 1981 г. в Рокском тоннеле состоялась сбойка. Официально дорога была принята в эксплуатацию лишь в конце 1986 г.

В первые годы советской власти, будучи инженером высокой квалификации, И. Т. Собиев занимал ответственные посты

начальника Управления Азербайджанских железных дорог, начальника Управления Дагестанских железных дорог, зам. начальника округа путей сообщения, начальника технико-производственного отдела Владикавказских железнодорожных вагонных мастерских, а затем начальником Вагоноремонтного завода (ныне Владикавказский вагоноремонтный завод им. С. М. Кирова). Собиев неоднократно избирался делегатом на окружные и краевые железнодорожные съезды.

Собиев был членом Осетинского Историко-Филологического Общества, созданного в 1918 г. при Осетинской смешанной учительской семинарии. 22 января 1922 г. он был избран кандидатом в члены правления общества, однако вследствие того, что ему пришлось выехать из города, в правление была введена С. Б. Газданова [15, 156, 170].

После преобразования 8 апреля 1925 г. Осетинского Историко-Филологического общества в Осетинский научно-исследовательский институт краеведения, Собиев работал научным сотрудником экономического отделения института [16, 9], а с 27 сентября 1926 г. ему было поручено заведование естественно-историческим отделением института [16, 77]. Собиев являлся также членом Терминологической комиссии института.

20 декабря 1930 г. Собиева пригласили в Горский педагогический институт, где он проработал в должности доцента до 15 сентября 1932 г.

Некоторое время Собиев работал в Осплане Северо-Осетинской АССР [5]. За заслуги ему была назначена персональная пенсия союзного значения. С 19 сентября 1938 г. по 20 ноября 1939 г. он работал консультантом промышленно-транспортной группы Совнаркома Северо-Осетинской АССР. По сведениям из трудовой книжки И. Т. Собиева, общий стаж работы по найму до поступления в Совнарком составлял тридцать три года и восемь месяцев [2]. С 14 февраля по 7 апреля 1940 г. Собиев

занимал должность главного инженера Управления МТР Совета народных комиссаров Северо-Осетинской АССР. С 7 апреля 1940 г. он работал главным научным сотрудником и заместителем директора по научной части Северо-Осетинского Музея краеведения. 21 августа 1941 г. по приказу директора музея он был освобожден от этих должностей по сокращению штатов. В августе 1942 г. И. Т. Собиев был арестован. Суд под председательством судьи Кокаева осудил его на восемь лет по статье 58 п. 1. УК РСФСР (контрреволюционная деятельность) [2]. Он был перемещен в Бакинскую тюрьму, в которой просидел около шести месяцев. К счастью, вынесенный приговор был отменен Верховным судом РСФСР как необоснованный.

Последние годы жизни Собиев провел на пенсии, которую восстановили после отмены приговора. Во Владикавказе он жил по ул. Кирова, 57, кв. 18. (дом не сохранился, на этом месте сейчас находится 4-е отделение Сбербанка РФ). И. Т. Собиев скончался 20 сентября 1961 г. и был похоронен на Новоосетинском кладбище (возле завода «Электроконтактор»).

Он имел семью — супругу Веру Петровну Валаеву (1883–1965), которая была дочерью уроженца ст. Чернойорской полковника Петра Васильевича Валаева, и двух сыновей. Старший сын Астан (1905–1969) был инженером (внучка геолог Элла Кундухова (1937) и правнук Тимур (1967) проживают во Владикавказе). Младший сын Найфон (1907–1956) был инженером-землеустроителем, внук Хаджимурат (1933–2000) — инженером-геологом, внук Сослан (1936–1985) работал на заводе «Электроцинк». Правнучка Белла Хаджимуратовна Собиева (1963) работает бухгалтером во Владикавказе, ее сыновья Анатолий (1991) и Марат (1995) Агаповы пошли по стопам своего прапрадеда — старший сын окончил Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, младший сын учится в этом вузе. Правнук Алан Хаджимуратович (1967) работает

врачом в Москве, правнук Сергей Хаджимуратович (1969) — строителем во Владикавказе (имеет двух сыновей Тамерлана и Тимура), правнучка Евгения Сослановна Собиева (1979) работала экономистом на заводе «Электроцинк», сейчас воспитывает сына Владислава и двух дочерей — Софью и Елизавету.

И. Т. Собиев совмещал работу по своей основной специальности инженера-механика с занятиями по этнографии, фольклористике и языкознанию осетин.

Еще в детстве у Инала Тотруковича, часто слушавшего своего односельчанина — известного слепого сказителя Дзараха Саулаева, — появился интерес к осетинскому устному народному творчеству. Даже спустя многие годы он все еще хранил в памяти впечатления от этих встреч с народным певцом, исполнявшим народные сказания под аккомпанемент двенадцатиструнной арфы — *дыуадагстанон-фандыр*: «Этот Дзарах Саулаев был почти неизменным и частым посетителем нашего нихаса, расположенного на перекрестке улиц. Всегда, когда этот талантливый сказитель появлялся на нашем нихасе, сейчас же он заполнялся народом, как взрослыми, так и малышами. Обычно это происходило по вечерам, когда народ возвращался с работ или по праздничным дням. Я был неизменным посетителем этих вечеров и научился у Дзараха любить наши сказания... Во время игры Дзарах преображался. Его всегда доброе лицо, побитое сильно оспой (отчего он и ослеп) во время игры особенно одухотворялось. Приятно и в то же время тяжело было смотреть на него» [3, 121].

Большое влияние на развитие у Инала интереса к этнографии и фольклору осетин оказал его старший брат Иван, работавший учителем в сельских школах Северной Осетии. Записывал народные предания и его брат Амурхан [17, 18]. Фольклорный материал собирал и его брат Георгий. В 1904 г. в районе с. Душети он записал «Песню о Никъо Пухашвили» [17, 23-27]. Георгий был арестован за революционную деятель-

ность, находился в петербургской тюрьме «Крестцы», а в 1914 г. был сослан на север и пропал без вести. Инал Собиев оставил подробные воспоминания о своем брате Георгии [18, 1-63].

Уже в годы учебы во Владикавказском реальном училище летом на каникулах Инал собирал этнографический и фольклорный материал в Куртатинском и Дигорском ущельях Осетии. В те же годы он опубликовал свои первые фольклорные и этнографические очерки в областной периодической печати. Полевой материал был собран им на каникулах в с. Даллагкау (Куртатинское ущелье), в котором работал учителем его брат Иван Собиев. В 1893 г. Собиев издал в газете «Терские ведомости» (№ 37) очерк «Легенда о происхождении тагаурских алдар и куртатинских таубиев» [19]. В нем была изложена генеалогическая легенда, связанная со старинной башней, одиноко стоящей на высокой вершине горы Хакуна, почти над самым селом Даллагкау и отселком Даллагкауского прихода Барзикау. В легенде повествовалось о том, как в Куртатинском ущелье появились потомки Курта, куртатинские таубии, а в Даргавском ущелье — тагаурские алдары, потомки Тага.

В 1894 г. Собиев опубликовал в газете «Терские ведомости» (№ 75) статью «Селение Христианское (*габар и саразе*)» [20, 153-155]. В том же году он издал в газете «Терские ведомости» (№ 2) очерк «Наряжение покойников у осетин» [21], в котором рассмотрел один из поминальных обрядов осетин — *Бадан ахсав* (ночь сидения, бдения). Эти поминки устраивались в ночь под первый понедельник Нового года в семьях, где кто-то умер в истекшем году. Собиев подробно описал подготовку к поминкам. Он писал, что родные «приготавливают все принадлежности осетинского костюма, с ног до головы, а из оружия — предпочтительно кинжал, если покойник мужчина. Все эти принадлежности должны быть новые — кроме оружия, которое допускается и старое. Кроме костюма, приготавливают

также разные кушанья как своей кухни, так и привозимой из города. Последние состоят по большей части из лакомств, фруктов и белого хлеба. Если покойник детского возраста, то закупаются в городе на базаре разные игрушки: куклы, лошадки, бусы, повозочки, разные фигуры, сделанные из сладкого. За этим-то и приезжают осетины на предпраздничные базары. Люди состоятельные покупают еще стул, стол, лампу, которые посвящаются покойнику» [21, 64],

Следующим этапом поминок, по данным Собиева, был процесс «наряжения покойного». В ночь поминок все приготовленное вносили в комнату. Посреди комнаты ставили стол, который накрывали кушаньями и напитками, а за столом — новый стул или табурет, на котором наряжали покойника в сидячем положении. Собиев отмечал, что «это делается так искусно, что при слабом освещении незнакомый с обычаем человек ни за что не узнает с первого взгляда, что это не живые существа, а наряженные покойники» [21, 65]. Затем начинался обряд «посвящения» пищи, на котором присутствовали как мужчины, так и женщины. Один из мужчин семейства, держа в руке чашу с пивом, посвящал все находящееся на столе покойнику. Отведав поминальную пищу, мужчины после окончания обряда посвящения выходили, а женщины начинали обряд оплакивания, подходя к «наряженному покойнику» с рыданиями и причитаниями.

Позже на поминки с соболезнованиями приходили родственники и односельчане. Посидев за поминальным застольем, они уходили в те дома, где проводили поминки — *бадан ахсав*. Это посещение поминок продолжалось до 3-4 часов утра. Собиев упомянул об обычае, существовавшем в прошлом у осетин, по которому при посещении этих поминок было принято брать «наряженного покойника» за руку, из-за чего тот иногда падал и разваливался на части. К утру поминок «фигуру покойного» разбирали. Собиев отметил обычай разведения на рассвете после поминок большо-

го костра, который посвящали покойнику, «чтобы на том свете не было для него недостатка в отоплении» [21, 65], Снятую с «покойного» одежду одни родственники оставляли у себя, другие отдавали бедным или выставляли в качестве призов на скачках. Очерк Собиева стал еще одним источником о важном поминальном обряде осетин.

В 1895 г. Собиев опубликовал в двух номерах газеты «Терские ведомости» (№45, 46) «Сказку о Дареджанах и Турамах» [22, 213-219], которая была записана им в с. Даллагкау и переведена на русский язык.

Собиев живо интересовался и осетиноведческими научными трудами. В выпускном классе Владикавказского реального училища ему удалось достать и прочитать фундаментальный труд выдающегося русского ученого В.Ф. Миллера «Осетинские этюды», который произвел на него такое сильное впечатление, что он даже осмелился написать ученому письмо с просьбой его прислать. В своих воспоминаниях Собиев писал: «Миллер немедленно выслал мне все три части этюдов бесплатно. Кажется, я не помню более радостной минуты в своей жизни, чем ту, когда я их получил. Я хранил их долгое время, как реликвию, хранил даже коленкоровую обертку» [3, 121].

В письме к Миллеру от 22 декабря 1895 г. Собиев поблагодарил ученого за присланные книги и поделился с ним своим пониманием этимологии некоторых осетинских слов: «Тысячу раз виноват перед Вами, что я до сих пор не поблагодарил Вас за Ваш неоценимый для меня подарок. Я не могу выразить то удовольствие, которое испытал при получении этих драгоценных книг. Я с жадностью бросился читать их. Разбор слов: Уацилла, Уаскерги и др. в высшей степени заинтересовал меня. При прочтении этих слов мне вспомнилась масса других слов, которые остаются не разобранными...» [23, 125]

После внимательного изучения книги «Осетинские этюды» у молодого человека возникло непреодолимое стремление лич-

но познакомиться заведующим кафедрой истории русского языка и словесности в Московском университете В.Ф. Миллером. И когда ему посчастливилось стать студентом престижного московского вуза, он не замедлил явиться в дом к ученому. К тому же Собиев знал, что с начала 80-х гг. Миллер несколько раз приезжал в Осетию с целью сбора материалов для будущего осетинско-русско-немецкого словаря и очень нуждался в помощниках для завершения работы.

В своих воспоминаниях Собиев писал, что Миллер принял его весьма приветливо и рассказал о процессе работы над словарем. О сложностях этой работы Миллер писал и Г.В. Баеву. В письме от 2 ноября 1891 г. Миллер сообщал ему о том, что прошедшим летом был занят работой по составлению осетинско-русско-немецкого словаря и приготовил к печати листов шесть: «Материалы были собраны раньше (до 8000 слов) и теперь остается привести их в порядок. К сожалению, я могу работать над этим летом, и потому словарь подвигается медленно» [24, 2 об].

В письме от 4 октября 1895 г. Миллер просил Г.В. Баева составить группы для работы над словарем: «Для словаря у меня собран значительный материал на карточках, подобранный алфавитно. Букв *a* и *æ* даже переписаны; но все же я не решаюсь начать издание, так как чувствую необходимость в помощи туземцев для пополнения словаря и решения разных недоумений, а здесь в Москве таких помощников у меня нет. Если бы Вам удалось во Владикавказе организовать группы **словарников**, то я каждому члену нашел бы подходящую работу и дело пошло бы быстро вперед» [24, 6].

Собиев предложил свою помощь ученому в работе над осетинско-русско-немецким словарем, на что Миллер с радостью согласился. Так началось непосредственное творческое сотрудничество молодого человека, только вступавшего в жизнь, с выдающимся ученым, которое длилось в течение пяти лет. При содействии Инала Собиева

работа над словарем пошла более продуктивно. Раз в неделю, по воскресеньям, Собиев приходил домой к Миллеру и помогал ему в работе. По всей вероятности, это происходило утром, поскольку рабочий день ученого ежедневно начинался с 7 часов утра [25, 43-44]. В более поздние утренние часы Миллер уже принимал в кабинете посетителей, часто приезжих ученых.

Вначале их совместная работа была сосредоточена на просмотре карточек осетинско-русско-немецкого словаря [3, 122]. При проверке словаря выяснилось, что он в основном состоит из слов на иронском диалекте. Миллер предложил Собиеву пополнить словарь словами на дигорском диалекте. С 1897 г. Собиев приступил к этой работе и к 1900 г. собрал порядка 7 тысяч слов. В письме к Г. В. Баеву от 20 мая 1900 г. Миллер отмечал: «В настоящее время я отдаю этому делу все свои часы досуга, которых у меня, к сожалению, очень немного. Материал собран весьма обширный и я постепенно пополняю его из напечатанных осетинских книг, в том числе из последних изданий. И. Т. Собиев отдал мне свои дигорские слова до 7 тысяч, в числе которых новыми для меня оказалось до 1 тысячи. Доведа словарь до конца, надеюсь напечатать его либо в издании Академии Наук, либо при Лазаревском институте восточных языков» [24, 9 об., 10].

Во Владикавказе работу над иронской частью словаря координировал Цоцко Амбалов. Собиев сообщал Миллеру в письме от 4 сентября 1902 г.: «Меня на днях из Ардона запрашивали насчет системы, которой нужно придерживаться для проверки словаря. Очевидно, словарь или часть его находится в Ардоне и находится в очень надежных и опытных руках учителя Амбалова Цоцко. Он, можно смело сказать, чуть ли не лучший знаток иронского наречия. Я дал ему указания относительно проверки и пополнения словаря, придерживаясь той системы, которой придерживались в Москве. Мой собственный словарь (дигорский) уже переписывается на клочки и, на-

деюсь, скоро закончится» [23, 127].

К сожалению, после отъезда из Москвы и начала работы в Тифлисе в железнодорожных мастерских у Собиева почти не было возможности завершить эту работу. В письме от 9 декабря 1902 г. он жаловался Миллеру на то, что «работа над дигорским словарем совершенно прекратилась за неимением положительно-таки ни одного свободного часа. Минимум в сутки на паровозе нахожусь 14-16 часов, т.ч. остальное время целиком уходит на спанье» [26, 78]. По свидетельству Собиева, сбор дигорских слов (до 8 тыс.) продолжался вплоть до 1904 г., когда он «за неимением больше времени вынужден был его забросить» [27, 1].

Миллер продолжил свою работу над словарем. 23 декабря 1906 г. в письме к Г. В. Баеву он писал: «Сам я ставлю себе ближайшей задачей издание осетинско-русско-немецкого словаря и думаю, что успею к осени и приготовить к печати первый выпуск» [24, 20об]. К этому времени Миллер окончательно утвердился в мысли издавать иронский и дигорский словари отдельно. В письме от 10 апреля 1906 г. Миллер сообщил об этом Гаппо Баеву: «Я уже писал Вам, что считаю в настоящее время более правильным издать отдельно иронский и дигорский словари, а не сливать вместе оба наречия, которые расходятся между собою так, как например, великорусский язык с малорусским. Приступлю сначала к осетинскому (иронскому) словарю и буду издавать его выпусками». [24, 2]. Ранее ученый предполагал, что словарь «будет **общеосетинский**, т.е. обнимать слова обоих наречий иронского и дигорского, но предпочтение будет оказано более распространенному наречию иронскому, которое является языком церкви и литературы» [24, 25].

К сожалению, осетинско-русско-немецкий словарь при жизни Миллера так и не был издан. После смерти ученого (1913) словарь в количестве свыше 8000 слов остался в рукописи на карточках и поступил вместе с его библиотекой в Азиатский

музей Академии наук. Директор музея академик К. Г. Залеман продолжил работу над словарем, но вскоре скончался. Новый директор Азиатского музея С. Ф. Ольденбург поручил издание словаря профессору А. А. Фрейману, который с осени 1923 г. занялся редактированием словаря.

В 1926 г. в связи с предстоящим 200-летним юбилеем Академии наук было принято решение издать словарь. Фрейман приехал в Осетию с тем, чтобы привлечь самих осетин к доработке и расширению словаря. Среди тех, кто с энтузиазмом приступил к этой работе, был и Инал Собиев. Вот что писал о своих помощниках в предисловии к словарю сам Фрейман: «Заботливым организатором этой помощи был Гр. А. Дзагуров (Дзагурти Губади). Кроме него в работе принимали ближайшее участие дигорцы: автор дигорского букваря М. К. Гарданов (Гардантс Михал), И. Т. Собиев (Собити Инал) и К. С. Гарданов (Гардантс Муха). (Записи двух последних легли в основу издания В. Ф. Миллера «Дигорские сказания»), и иронцы: Цоцко Амбалов (Æмбалты Цоцко), автор иронского букваря М. Н. Гуриев (Гуыриаты Гагуыдз) и автор труда «Материалы для антропологии осетин» М. А. Мисиков (Мысыкаты Мæхæмæт)» [28, V]. В работе над словарем принял участие и В. И. Абаев, будущий всемирно известный иранист. В совместной работе возникали и трудности, поскольку А. А. Фрейман не владел осетинским языком.

Словарь был существенно пополнен и опубликованными материалами устного народного творчества осетин. В 1927-1934 гг. три тома «Осетинско-русско-немецкого словаря» В. Ф. Миллера под редакцией А. А. Фреймана были изданы Академией наук СССР [29]. Четвертый том словаря так и не был опубликован.

По поводу слов на дигорском диалекте, в том числе собранных И. Т. Собиевым (ок. 8 тыс. слов), было принято решение «издать их отдельно, как дигорский словарь» [30, 5]. К сожалению, дигорский словарь так и не был издан. В 1925 г. рукописный словарь

был сдан Собиевым в архив Осетинского научно-исследовательского института краеведения: «Часть словаря (18 букв) была закончена на карточках, остальная часть, хотя и была переписана на карточки, но не была закончена» [3, 123]. По данным Б. А. Алборова, рукописный словарь был переписан на бумагу большого формата и хранился на специальной полке [30, 5], однако обнаружить его в Научном архиве СОИГСИ в настоящее время не удалось.

В Москве Собиев часто посещал заседания Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ) при Московском университете, председателем которого с 15 декабря 1881 г. и до самой кончины являлся В. Ф. Миллер. В отделе ученый занимался изучением русской народной словесности и Кавказа. Сама этнография в то время, по свидетельству М. М. Ковалевского, «понимаема была... в самом широком смысле. Члены Общества в равной степени интересовались и материальной культурой различных народностей, входящих в состав России, и их языком, литературным и музыкальным творчеством, обычаями, обрядами и поверьями» [31, 198].

Периодически Собиев присутствовал и на заседаниях Императорского Московского археологического общества, действительным членом которого Миллер был с 1875 г., а с 1897 по 1911 г. — председателем его Восточной комиссии. Ученый занимался в обществе в основном кавказоведческими исследованиями.

Российский фольклорист А. И. Алиева отметила, что «... в обоих обществах именно В. Ф. Миллер во многом определял направление исследований, объединял для их реализации российских ученых — не только московских, но и региональных и — что особенно важно — ученых разных национальностей, в том числе и из “иностранцев”. Надо сразу заметить, что последний термин, как часто употребляемый в российской научной литературе (в том числе и в

работах В. Ф. Миллера), никак не обозначал пренебрежения к людям иной, чем русские, национальности. Именно в ученых обществах В. Ф. Миллер выступал организатором и координатором работы исследователей истории, археологии, языков, народных верований, традиционной культуры, фольклора разных народов нашей полиэтнической страны. Особая роль принадлежит В. Ф. Миллеру и в пробуждении интереса к изучению народов Северного Кавказа и Закавказья прежде всего у первых представителей национальной интеллигенции, что могло случиться значительно позже, не будь этих ученых обществ» [32, 14].

Заседания Этнографического отдела, проходившие в Политехническом музее, были открытыми, доступными для всех. На них всегда было много студентов, обучавшихся самым разным специальностям. Секретарь Этнографического отдела В. В. Богданов отмечал, что Миллер, активно привлекая студентов на заседания отдела, «ставил их в положение большого научного коллектива, в котором они не только знакомились с текущими вопросами науки, но также принимали участие в обсуждении докладов, а потом и сами делали докладчиками» [33, 135]. На заседаниях отдела часто выступали представители многих народов из разных городов России. Среди выступавших особенно много было кавказцев.

Миллер предложил Собиеву официально вступить в члены Этнографического отдела ИОЛЕАЭ. По существующему порядку, ему предстояло представить какую-нибудь работу по этнографии и выступить по ней с докладом на заседании Этнографического отдела [27, 1-2]. Собиев решил написать исследование по святилищу *Дигори изæди лагæт*, расположенному в Дигорском ущелье.

Это святилище давно привлекало внимание исследователей и путешественников. В первой половине XIX в. о нем упоминал А. М. Шегрен [34, 252-253], во второй половине XIX в. под названием *Олисаи-дон*

о святилище писали венгерский путешественник Е. Зичи [35, 290], известный зоолог-кавказовед Н. Я. Динник [36, 16] и др. Недавно некоторые дореволюционные источники о святилище *Дигори изæди лагæт* рассмотрела фольклорист Д. В. Сокаева [37, 126-139].

Летом 1898 г. на каникулах Собиев собрал этнографический материал по святилищу-пещере и подготовил доклад. Материалы доклада Собиева были предварительно просмотрены Миллером. На заседании Этнографического отдела присутствовали сам Миллер, профессор Д. Н. Анучин, знаменитый востоковед академик Ф. Е. Корш, барон Р. Р. Штакельберг, председатель Московского Археологического общества П. С. Уварова, востоковед А. Е. Крымский и др. Выступление Собиева с докладом прошло весьма успешно и вызвало большой интерес. Об успехе его выступления свидетельствовало и то, что графиня Уварова предложила ему присоединиться к ее экспедиции в Дигорское ущелье летом 1899 г. К сожалению, из-за занятости Собиев не смог принять в ней участие [3, 123]. После заседания Собиев официально стал членом-сотрудником Этнографического отдела ИОЛЕАЭ. Следует заметить, что он был единственным представителем Осетии в этом обществе.

В начале 1900-х гг. Собиев опубликовал в периодической печати этнографические и фольклорные материалы. В 1900 г. он издал в газете «Казбек» (№ 649) статью «Сел. Христианское» [38, 82-83], в которой описал один из обязательных элементов новогодней обрядности — *Бундори кувд* (жертва святому очагу).

По данным И. Т. Собиева, почти каждая семья в ночь перед Новым годом устраивала особенное жертвоприношение, состоящее в том, что «1. Из мяса, приносимого в жертву «Бундору» животного, никому не дают есть, за исключением членов своего собственного семейства, опасаясь, чтобы с посторонним человеком, отведавшим этого мяса, не случилось несчастье. 2. Кровь

стараются, как можно осторожнее, направить в таз, чтобы на пол пролилось по возможности меньше из боязни, как бы ее не отвела кошка или собака и тем не нарушилась святость жертвы. Собак в комнату не пускают, а кошку запирают в отдельное помещение, откуда она не могла бы выйти. В кровь бросают заднюю левую ногу и сердце жертвенного животного, и все это глубоко зарывается в землю в чистом виде, где их не могут отыскать собаки. Содержимое желудка и кишок, а у тех, кто приносит в жертву «Бундору» курицу или индюка (некоторым «Бундор» повелевает приносить в жертву барана, а другим — курицу или индюка) — кишки с перьями и костями — выносятся на реку по середине села и бросаются в воду, как в место, более чистое...» [38, 83]

Собиев писал и на другие темы. В 1900 г. он опубликовал в газете «Терские ведомости» (№38) статью «Сел. Карджын» [39, 65], в которой писал о больших сдвигах в школьном образовании селения. Он отмечал, что для открытой в 1995 г. школы для ее благоустройства в 1900 г. был выделен участок земли.

В 1901 г. Собиев опубликовал в двух номерах газеты «Терские ведомости» очерк «В Дигорском ущелье» [40], в который частично вошли материалы доклада, сделанного им на заседании Этнографического отдела ИОЛЕАЭ. Очерк Собиева был основан на полевом этнографическом материале, собранном в 1898-1899 гг. в Дигорском ущелье. В своем очерке он рассмотрел наиболее интересные места горной Дигории. Большая часть очерка посвящена чтимой дигорской святыне *Дигори Изгди лаггат* («Дигории ангела пещера»), находившейся недалеко от с. Задалеск. Собиев ошибочно именовал ее *Морги лаггат* («Пещера Морги»), расположенной в другом месте.

По легенде, записанной Собиевым в 1899 г. от известного сказителя Саулоха Базити, основателем святилища был родоначальник всех дигорцев Астан, который имел необыкновенно высокую и грозную

башню, расположенную на недоступной скале (*Астани кѳубус*, к западу от аула Махческ). Собиев описал в очерке размеры пещеры (116 x 7 м) и ее содержимое. Он писал: «Первое что поражает человека, — это необыкновенно громадное количество рогов оленей, которых в настоящее время у нас больше нет... Они расположены в пещере таким образом, что образуют из себя нечто вроде потолка, не доходящего до внутренней стены пещеры... За досчатой перегородкой, что к востоку, находится масса черепов, главным образом зубров, которые в настоящее время уже больше не встречаются в этой местности» [40].

Большой интерес представляли деревянные бирки, привешенные к столбу, расположенному в центре пещеры и в большом количестве лежавшие в ее углу. Появление их в пещере было связано с тем, что ежегодно в Дигорском ущелье в праздник *Циргъ-есапта*, который обязательно справлялся перед началом сенокосения, происходило общественное жертвоприношение быка (нивонд). Собиев писал: «На этом “кувде” (жертвоприношение) режут откормленного в течение года быка (бык выбирается по жребью); к его шее привязывается на веревочке деревянная довольно изящная фигура... Перед тем, как режут быка, фигура с веревочкой снимается с его шеи и вешается на том столбе, который находится между двумя досчатыми перегородками» [40].

В 1899 г., когда Собиев обследовал пещеру, он насчитал на столбе 91 бирку. Когда на столбе бирки накапливались, их бросали внутрь пещеры. Большой научный интерес представляло описание Собиевым формы бирок: «В то время как новейшие фигуры покрыты крестообразными узорами или просто представляют из себя крест, старые — почерневшие от влияния окружающей атмосферы, содержат на себе лунообразные узоры... Вообще коллекция фигур чрезвычайно разнообразна и интересна» [40].

Известный российский этнограф В. П. Кобычев, исследовавший пещеру в 80-е гг. XX в., писал, что «главную ценность

пещеры составляет уникальное собрание упомянутых бирок (другое их наименование «гъвола», «хвола»). По своему происхождению бирки, видимо, представляют собой священные эмблемы, в которых, по поверьям, воплощались духовное начало жертвенного животного, его удача, счастье (осетинское «фарн»). Форма и орнамент на них символизировали животное. Недаром древнейшие из бирок имеют, по утверждению Инала, вид лунниц, т.е. стилизованных рогов быка... Одним словом, бирки — это уникальный элемент материальной культуры, в котором воплотились древние воззрения дигорцев и даже их художественные традиции» [41, 139-140].

Наличие в пещере стрел, копий, шапок персидского образца, по приведенному Собиевым преданию, было связано с пребыванием в Дигории войск персидского шаха Аббаса, которые явились туда из местности Кета: «Жители попрятались, конечно, по своим боевым башням. Воины шаха... вздумали было снять громадную надочажную цепь, которая висела в пещере, но не могли; тогда начали ее крутить, и цепь, наконец, оборвалась и упала. Воины взяли ее с собой и переправились через Урух на другую сторону, чтобы взять приступом Донифарс; но когда из щелей грозных Донифарских башен посыпались стрелы, то воины шаха принуждены были отступить на прежнее место Морга, а отсюда, севши на своих лошадей, навсегда удалились на плоскость. От убитых воинов шаха, будто бы, и взяты те шапки, стрелы и копья, которые находятся в пещере в настоящее время. Цепь же, которую они взяли собой на другую сторону (левый берег) Уруха, была оставлена ими там во время отступления. Мне говорили, что эту цепь я могу осмотреть в одном из Донифарских могильников» [40].

В расширенном виде материал о святилище-пещере представлен в большом неопубликованном рукописном историко-этнографическом труде Инала Собиева «Дигорское ущелье», хранящемся в Научном архиве СОИГСИ [27, 1-250]. Всего в

рукописи, окончание которой датировано 1947 г., 22 главы.

В предисловии Собиев писал, что задумал свою работу как путеводитель по Дигорскому ущелью, и этим объяснил ее структуру. Однако содержание рукописи значительно шире, поскольку в ней помещен богатый исторический, этнографический и фольклорный материал, который автор собирал в Дигорском ущелье с 1893 г.

Во второй главе Собиев рассмотрел историю Дигорского обводнительного канала, строительство которого продолжалось с 1926 по 1929 г. Он отметил, что с созданием этого важнейшего для Осетии оросительного сооружения воды р. Урух пришли в засушливые земли равнинной Дигории. Подробнее этот вопрос был им освещен в рукописи «К истории постройки Дигорского обводнительного канала» [42, 139].

Третья глава посвящена ногайскому, или Тамерланову, рву. По мнению автора, датировать сооружение этого рва можно с 1244 по 1396 г. В Научном архиве СОИГСИ сохранилась запись исторической легенды «*Ногайы бурæу*» («*Ахъсахъ-Темури бурæу*»), сделанная Собиевым на дигорском диалекте [17, 2-17об.].

Интересен детально описанный в четырнадцатой главе праздник «*Фæцбадæн*», который устраивался жителями с. Стур-Дигора в честь *Идауæг* (ангела), которому приписывали спасение от чумы. Автор рукописи привел текст благодарственной песни, исполнявшейся на празднике в честь *Идауæг*. Собиев записал ее в 1899 г. на поляне Харес от известного сказителя Дзанхота Гетоева.

Большую ценность для нас представляет приведенная Собиевым в восемнадцатой главе речь при посвящении коня покойнику — «*Бахфæлдесун*» [27, 169-198], записанная им в Дигорском ущелье в 1899 г. от известного сказителя Такка Хамикоева (с. Ногкау). Она приведена на дигорском диалекте и в переводе на русский язык. Собиев считал сказителя природным худож-

ником слова. К сожалению, в силу обстоятельств, запись посвяжительной речи не была доведена до конца.

В девятнадцатой главе Собиев приводит несколько легенд о происхождении дигорцев, которые он записал в разные годы от сказителей Дигории.

Свою работу автор считал незаконченной и предполагал внести в нее главы о жилищах, обычаях, занятиях населения, пище, одежде, религиозных представлениях.

В конце 1957 г. рукопись И. Т. Собиева «Дигорское ущелье» готовилась к печати в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте. Профессор Б. А. Алборов высоко оценил работу И. Т. Собиева. В своем отзыве на нее от 1 октября 1957 г. он писал: «Нельзя без восхищения читать такие главы работы, как “Ногайский или Тамерланов ров”, “Дигори изаеди лагæт”, “Некрополь в Мацутæ”, “Святылище «Идауæг», “Праздник Фæцбадæн», в которых он вносит существенные поправки к прежним нашим сведениям об этих интересных этнографических источниках... Нельзя не восхищаться теми чудесными вариантами народных песен, которые приводит И. Т. Собиев в своей работе в качестве иллюстрации» [30, 11]. В качестве пожеланий он рекомендовал скорректировать название рукописи, поставив в скобках «историко-этнографический обзор», поскольку в работе превалировало не географическое описание Дигорского ущелья, а историческое и этнографическое. Несмотря на то, что работа, по мнению рецензента, представляла собой и неполный историко-этнографический очерк Дигорского ущелья, он предлагал издать рукопись без существенных доработок, чтобы не задерживать ее издание. Алборов рекомендовал также снабдить работу кратким введением и редакционными примечаниями, расширить главу о революционном движении в Дигории и обогатить ее иллюстрациями. К сожалению, рукопись И. Т. Собиева так и осталась до сих пор не изданной.

Собиев оказывал помощь В. Ф. Миллеру и в его работе над рукописью «Дигорские сказания...», когда тот занимался переписыванием осетинских сказаний своей транскрипцией и переводами их на русский язык [3, 123]. Об этом писал и сам Миллер в предисловии к «Дигорским сказаниям...»: «При переводе я пользовался для слов, не вошедших еще в составляемый мной осетинский словарь, в Москве — указаниями дигорцев Инала Тотруковича Собиева и Георгия Михайловича Кесаева, на Кавказе, именно в Алагире летом 1901 года — Константина и Михаила Гардановых. Перевод № 10 «Прославление Азнаура» всецело принадлежит И. Т. Собиеву, приславшему мне эту интересную старинную песню из Пятигорска в текущем году» [43, IV].

Сборник «Дигорские сказания по записям дигорцев И. Т. Собиева, К. С. Гарданова и С. А. Туккаева, с переводом и примечаниями Всева Миллера» был издан в 1902 г. в «Трудах по востоковедению, издаваемых Лазаревским институтом восточных языков» [43]. Эта авторитетная серия была создана по инициативе В. Ф. Миллера, который в 1897 г. стал директором Лазаревского института восточных языков. В ней печатались научные исследования, посвященные духовной культуре народов Кавказа.

И. Т. Собиеву в сборнике принадлежат тексты «Къара Асламбеги зар» («Песня про могучего Асламбега»); «Стур-Дигори фий-йæутти зар» («Песня Стур-Дигорских пастухов») и «Азнаури кадæнгæ» («Прославление Азнаура»). Осетинский фольклорист Т. А. Хамицаева отмечала, что «Песня про могучего Асламбега» и «Прославление Азнаура» — это «первые исторические песни, опубликованные на осетинском языке» [44, 12].

Эти тексты, как и другие фольклорные материалы, собранные Иналом Собиевым, хранятся в Научном архиве СОИГСИ под названием «Сказания. Песни. Детские рассказы. Охотничий язык и другие» [45]. Сам Собиев предполагал издать фольклорные

материалы отдельной книгой, поэтому не стал публиковать их в трудах Московского Университета, как ему предлагал Миллер. В своих воспоминаниях он писал: «Впоследствии в 1901 году, когда я видел, что я не смогу их сам издать, письмом из Пятигорска просил Всеволода Федоровича включить их в “Дигорские сказания” и даже выслал их ему, но уже было поздно, так как материал для “Дигорских сказаний” был подготовлен к изданию и поэтому Всеволод Федорович выслал мне их обратно в Пятигорск, где я тогда отбывал воинскую повинность по окончании курса в МВТУ. По согласованию с Миллером я переписал лишь одно сказание “Азнаури кадаэнга” его транскрипцией с переводом на русский язык и выслал его. Таким образом, это сказание вошло в “Дигорские сказания” вместе с двумя моими записями песен, — “Хъара Асланбег” и “Дигори фийаути зар”, которые были подготовлены к изданию целиком Всеволодом Федоровичем» [3, 124].

В письме к Миллеру от 4 сентября 1902 г. из Пятигорска Собиев интересовался у ученого, вышли ли в свет «Дигорские сказания», и сообщал, что в последнее время собирателями было записано набело много сказаний [23, 127]. Пятнадцать экземпляров «Дигорских сказаний» Миллер выслал Собиеву уже в Тифлис, где тот к тому времени начал работать. В письме к Миллеру от 9 декабря 1902 г. Собиев благодарил его за присланные книги и предупреждал о наличии опечаток в двух экземплярах книг [26, 78].

Т. А. Хамицаева писала о не вошедших в сборник «Дигорские сказания» фольклорных записях исторических песен: «Наиболее ранние из них сделаны И. Собиевым. В 1899 году, будучи еще студентом Московского высшего технического училища, он собрал интересный исторический материал. Ему принадлежат самые ранние записи старинных исторических песен “Тулаон Тулабег”, “Песня Устур Дигории” («Устур Дигори зар») и “Как рыжий Бекмурза Кубатиев собрал баделят” («Хъубадти бор Бек-

кмурза куд арамбурд кодта баделиати»)). Тексты песен переведены Собиевым на русский язык. Недостатком записей является то, что они не всегда паспортизированы» [44, 16].

Профессор Алборов, анализирувавший в 1960-е гг. фольклорные записи Собиева, привел его свидетельства о том, что старшая сестра его жены — Александра (Сага) Петровна Бегиева-Валаева «помогала ему в записи фольклорного материала и в его переписке с черновиков» [30, 2]. Сага Бегиева-Валаева (1875–1953) известна как первая собирательница дигорского фольклора. Записанные Бегиевой-Валаевой в ст. Чернойрской и ст. Ново-Осетинской дигорские фольклорные тексты были ею переданы в 1930 г. в Кисловодске самому Алборову. В настоящее время эти тексты хранятся в Научном архиве СОИГСИ [46].

Современники признавали заслуги И. Т. Собиева в деле собирания дигорского фольклора. Во втором выпуске сборника «Памятники народного творчества осетин. Дигорское народное творчество в записи Михаила Гарданти», изданном в 1927 г., отмечена деятельность Собиева в деле собирания дигорского фольклора и размещена его фотография [47, VI-VII].

Г. А. Дзагуров писал: «Несмотря на то, что Инал памятники фольклора собирал и записывал без строгого соблюдения научных требований, выработанных передовой русской фольклористикой, фольклорные материалы его, относящиеся к ранним по времени записям, представляют большую научную ценность» [48, 5-6].

Многие собранные Иналом Собиевым фольклорные материалы вошли в книгу «Ирон адамон аргъаутта» [49], в двухтомник «Ирон адамон сфалдыстад» [50], в книгу «Нарты. Осетинский героический эпос» [51] и др. Фольклорные записи Собиева публиковались на страницах республиканского журнала «Ирæф».

Собиевым были написаны и воспоминания о В. Ф. Миллере. В научном архиве СОИГСИ хранится дело под названием

«И. Т. Собиев. Мои воспоминания об академике Всеволоде Федоровиче Миллере по случаю 100-летия со дня рождения его (1848–1948)», [52, 1-8]. В 2008 г. воспоминания были опубликованы [3, 123-125]. Нам представляется, что они были специально написаны к десятилетию со дня смерти В. Ф. Миллера (5 ноября 1923 г.), а затем воспроизведены по случаю другой юбилейной даты — 100-летия со дня рождения ученого.

16 марта 1924 г. Осетинское Историко-Филологическое общество отметило десятилетие со дня смерти В. Ф. Миллера торжественным заседанием, проведенным совместно с Северо-Кавказским институтом краеведения [53, 21], в организации которого активное участие принял Инал Собиев. В протоколе заседания сообщалось, что с докладами о деятельности В. Ф. Миллера выступили Н. В. Виддинов — «Жизнь и личность В. Ф. Миллера», Б. А. Алборов — «В. Ф. Миллер как лингвист-кавказовед», Г. А. Дзагуров — «В. Ф. Миллер как знаток народной словесности кавказских горцев», Л. П. Семенов — «В. Ф. Миллер как знаток археологии Кавказа»; В. П. Пожидаев — «В. Ф. Миллер как историк Кавказа». Личные воспоминания о В. Ф. Миллере были сообщены И. Т. Собиевым, Г. М. Кесаевым и И. М. Абаевым [53, 21].

Протокол заседания был отправлен в Центральное бюро краеведения при РАН и семье Миллера. В ответном письме на имя директора Северо-Кавказского института краеведения от 18 июня 1924 г. вдова Всеволода Федоровича — Евгения Викторовна и его сыновья — Борис Всеволодович и Виктор Всеволодович благодарили организаторов и участников заседания, посвященного памяти ученого: «Почти сорок лет своей кипучей научной деятельности покойный Всеволод Федорович посвятил изучению языка, фольклора и археологии осетинского народа. Рядом поездок в Осетию, наблюдениями над ее “живой стариной” и близостью с передовой осетинской интеллигенцией, деятельно помогающей ему в его

научных изысканиях, Всеволод Федорович, незаметно для себя, начав как объективный исследователь, тесно связал себя с Осетией и ее высокоодаренным народом. Вся семья наша, начиная с 80 годов прошлого столетия, когда в нее вошел, как брат, покойный Соломон Алексеевич Тукаев, и до последних дней жизни Всеволода Федоровича, привыкла родственно общаться с представителями осетинского народа.

...Мы просим передать наш искренний привет И. Т. Собиеву, Г. М. Кесаеву и И. М. Абаеву, личные воспоминания которых о покойном Всеволоде Федоровиче нас глубоко тронули» [3, 125].

В своих воспоминаниях Собиев, проработавший рядом с Миллером в течение пяти лет, выступил как непосредственный свидетель работы ученого над осетинско-русско-немецким словарем, «Дигорскими сказаниями» и др. Собиев отметил такую черту Миллера, как поразительная работоспособность, позволявшая ему одновременно с осетинским языком заниматься и татским языком, и русскими былинами и др. [3, 123]

Миллер относился к молодому человеку не просто доброжелательно, а по-отцовски. Вспоминая свое выступление с докладом на заседании Этнографического отдела ИОЛЕАЭ, Собиев писал: «Помню, как я стеснялся и как меня подбадривал Всеволод Федорович и просил не волноваться» [3, 123]. Однажды Всеволод Федорович предостерег молодого Собиева от опрометчивого поступка: «В 1901 году, в год моего окончания курса в МВТУ, была всероссийская студенческая забастовка. В первый день забастовки я был у Всеволода Федоровича, и когда он узнал, что я принимаю участие в забастовке и демонстрации и что для этого иду на Трубную площадь, он удерживал меня, советовал мне не принимать участия в демонстрации, т.к. могут меня уволить, а то и арестовать и что тогда все пропало (я кончал курс)» [3, 124].

По свидетельству Собиева, работа с Миллером проходила всегда в кабинете,

сверху донизу заставленным стеллажами с книгами. Во время перерывов молодому человеку предоставлялась возможность просматривать книги из богатой библиотеки Миллера и брать их на дом. Больше всего его интересовала новейшая литература по древней истории алан-осетин. Так, в числе других книг Собиев выбрал для домашнего чтения книгу «История Армении Моисея Хоренского» в переводе с древнеармянского Н. Эмина, которая была издана в Санкт-Петербурге в 1893 г. Из этой книги он узнал много новых сведений о ранней истории алан по армянским источникам.

Собиев писал, что Миллер подарил ему «из своей библиотеки брошюру Кулаковского относительно Зеланчукского надмогильного камня с надписью на дигорском диалекте осетинского языка и с большим увлечением рассказывал ему о древнем расселении осетин» [3, 123]. Вероятно, речь идет не о Кулаковском, а о члене ОЛЕАЭ Г. И. Куликовском, который в 1892 г. ездил в археологическую экспедицию в Терскую и Кубанскую области и снял оттиск из бумаги (эстампаж) с известного памятника аланской эпиграфики Зеленчукской надписи. Надпись была найдена Д. М. Струковым летом 1888 г. в двух верстах от аула Хумара Баталпашинского уезда Кубанской области. Миллеру принадлежит заслуга анализа надписи на основании данных осетинского языка и ее публикации [54, 110-118].

6 октября 1892 г. на заседании Императорского Московского археологического общества Куликовский выступил с докладом о своей поездке, а Миллер сделал доклад о значении Зеленчукской надписи. Оба доклада были рекомендованы к изданию [55, 200]. Однако А. А. Туаллагов, специально занимавшийся исследованием Зеленчукской надписи, не обнаружил сведений о публикации Г. И. Куликовского [56, 6]. Возможно, Миллер подарил Собиеву машинописный текст доклада Куликовского.

В доме Миллера Собиев познакомился со многими видными представителями гу-

манитарной науки. У ученого часто бывали И. И. Янжул, Ф. Е. Корш, П. С. Уварова, Д. Н. Анучин и многие другие. Собиев был постоянным свидетелем научных бесед и дискуссий по самым разным отраслям знаний. Все это не могло не оказать благотворного влияния на формирование его личности.

Особенно часто он встречал в доме Миллера известного ираниста барона Р. Р. Штакельберга [3, 123], личного друга Всеволода Федоровича. В 1891 г. вместе с Штакельбергом Миллер выпустил в свет пять дигорских сказаний на немецком языке [57]. При общении с Штакельбергом у Собиева, вероятно, находилось много общих тем, поскольку тот занимался исследованием осетинских мифологических поверий [58, 20-23].

Вспоминая Штакельберга, Собиев писал: «Однажды я после каникул привез с собою свою фамильную папку с большой надписью на латинском языке. Всеволод Федорович пробовал разобрать надпись, но у него ничего не выходило, — многие буквы были сильно потерты. В это время в библиотеку заходит Штакельберг, берет папку и быстро прочитал надпись. Оказалась на папке латинская пословица...» [3, 123]

У Миллера Собиев часто встречал секретаря Этнографического отдела ИОЛЕАЭ В. В. Богданова. В своей неопубликованной рукописи «Всеволод Федорович Миллер. К столетию со дня рождения (1848–1948). Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки» Богданов привел выдержки из писем Собиева к Миллеру, которые ему предоставил из своего рукописного архива Г. А. Кокиев (глава 14 в кн. «Кавказ и осетиноведение») [59, 426-427].

Миллер находился в переписке не только с Собиевым, но и со многими представителями осетинской интеллигенции — Г. В. Баевым, А. Б. Кайтмазовым, А. А. Кануковым, С. В. Кокиевым, М. К. Гардановым и др. Известны три письма Собиева к Миллеру — от 22 декабря 1895 г. [23, 125-126], от 4 сентября 1902 г. [23, 126-128] и 9 дека-

бря 1902 г. [26, 78], последнее из которых не опубликовано. В своих письмах Собиев сообщал Миллеру о сборе фольклорного материала, о работе над дигорской частью словаря. В письме от 4 сентября 1902 г. Собиев делился с Миллером своими размышлениями об осетинском языке и о наречии, на котором говорили в с. Христиановском. Он писал по этому поводу: «Я постепенно пришел к тому заключению, что азбука наша не выражает вполне тех звуков, которые присущи дигорскому (и ирон [скому]) диалекту... Мои наблюдения за последнее время над дигорским наречием, привели меня к заключению, что в Христианском сел [ении] дигорцы говорят не чистым дигорским наречием, кроме нижнего квартала, говорящего довольно правильно. Гораздо правильнее говорят по-дигорски в Чернойорском и Ново-Осетиновском поселках. Это, впрочем, и понятно, п [отому] ч [то] они никакого соприкосновения не имели с иронцами со времени своего выселения и до этого в Христианском сел [ении] верхний квартал состоит почти из одних иронцев, под влиянием которых и изменилось дигорское наречие» [23, 127-128].

Воспоминания Инала Собиева о Всеволоде Федоровиче Миллере, по мнению А. А. Туаллагова, являются важным свидетельством о последней, шестой поездке ученого в Осетию летом 1901 г. [60, 24-26]. Ранее исследователи считали, что Миллер совершил пять научных экспедиций в Осетию — в 1879, 1880, 1881, 1883, 1886 гг.

Вот что сообщал Собиев о шестой поездке Миллера в Осетию: «В 1901 году В. Ф. Миллер вместе со всей своей семьей,

и я вместе с ними, приехал во Владикавказ. Основная цель поездки во Владикавказ состояла в том, чтобы вручить лично свой словарь для проверки Гаппо Баеву и Александру Кубалову. Всеволод Федорович очень тревожился за судьбу своего словаря и поэтому он сам лично передал его указанным лицам, причем рассказал им о судьбе своего первого словаря. Затем через несколько дней Миллеры переехали в Алагир на дачу и все лето провели там. Его сыновья приходили ко мне в Христианское селение в гости, а через некоторое время я вместе с Михаилом и Муха Гардановыми посетили Всеволода Федоровича в Алагире. Он вышел к нам и на дигорском языке «Медама» пригласил нас» [3, 124].

Инал Собиев относился к числу тех представителей осетинской интеллигенции, кого В. Ф. Миллер своим примером вдохновил и привлек к изучению традиционной народной культуры. Пройдя в молодости научную школу выдающегося ученого и став сотрудником Этнографического отдела ИОЛЕАЭ, он осознал научную важность и общественную значимость осетиноведческих исследований. Благодаря его многолетней помощи работа В. Ф. Миллера над осетинско-русско-немецким словарем пошла более продуктивно. Сам Собиев под руководством Миллера занимался изучением этнографии, произведений фольклора и языка своего народа. Позже, будучи высокообразованным техническим специалистом и находясь на ответственных должностях, Собиев изыскивал любые возможности для исследования традиционной духовной культуры осетин.

1. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (НА СОИГСИ). Ф. Дзагурова Г. А. Оп. 1. Д. 70.
2. Личный архив Б. Х. Собиевой.
3. *Собиев И. Т.* Воспоминания об академике Всеволоде Федоровиче Миллере по случаю 100-летия со дня рождения его (1848–1948) // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2008. Вып. 2 (41). С. 121-125.
4. *Собиев И. Т.* Воспоминания И. Т. Собиева о революционной работе на участке Батуми-Самтреды в 1904 г. // НА СОИГСИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 41. Л. 1-54.
5. *Цаголов В.* Дружинник 1905 года // Социалистическая Осетия. 10 марта 1966 г. № 61.
6. *Собиев И. Т.* Южно-Осетинское издательское общество 1906-1909 гг. и газета «Ног цард» (воспоминания) // НА СОИГСИ. Ф. 41. Литература. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-13.
7. Центральный государственный архив РСФСР-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 21.
8. Устав Осетинского издательского общества (Утв. 7 окт. 1906 г.). Тифлис, 1906.
9. *Цабаев В.* Юго-Осетинский театр. Цхинвали, 1961.
10. *Гостиева Л. К.* Протоиерей Стефан Мамитов как этнограф // Лавровский сборник: этнология, история, археология, культурология (2010–2011). СПб., 2011. С. 314.
11. НА СОИГСИ. Ф. 38. Литература. Оп. 1. Д. 3.
12. *Инал.* Кростонхæу // Ног цард. 1907. № 17. (На осет. яз.)
13. *Инал Т.* Нæ сахæстæ — нæ марду кæнд // Ног цард. 1907. № 69. (На осет. яз.)
14. *Бигулаева И.* Рутен Гаглоев: патриот, инженер, публицист, общественный деятель [электронный ресурс]. URL: <http://blog-poleznosti.ru/?p=8442>
15. Хроника. Отчеты о деятельности Осетинского Историко-Филологического общества за время его существования // Известия СОИГСИ. 2007. Вып. 1 (40). С. 146-192.
16. НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. Д. 11.
17. Фольклорные записи Инала Собиева // НА СОИГСИ. Ф. 58. Литература. Оп. 1. Д. 40.
18. *Собиев И. Т.* Воспоминания о Собиеве Георгии // НА СОИГСИ. Ф. 19 (Ист.). Оп. 1. Д. 39. Л. 1-63.
19. *И. С.* Легенда о происхождении тагаурских алдар и куртатинских таубиев (Записана со слов старожилков-куртатинцев) // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах (ППКОО)/Сост. Л. А. Чибиров. Владикавказ, 2006. Т. VI. С. 205-207.
20. *Собиев И.* Селение Христианское (Габар и Саразе) // ППКОО. Владикавказ, 2006. Т. VI. С. 153-155.
21. *И. С.* Наряжение покойников у осетин // ППКОО. Цхинвали, 1987. Т. III. С. 64-65.
22. *Собиев Ив.* Сказка о Дареджанах и Турамах (записана в Даллагкау) // ППКОО. Владикавказ, 2006. Т. VI. С. 213-219.
23. *Калоев Б. А.* Миллер-кавказовед (исследования и материалы). Орджоникидзе, 1963.
24. НА СОИГСИ. Ф. Лингвистика. Оп. 1. Д. 65. П. 30.
25. *Богданов В. В.* Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1978. Вып. VIII. С. 39-55.
26. НА СОИГСИ. Ф. Лингвистика. Оп. 1. Д. 64. П. 30.
27. *Собиев И. Т.* Дигорское ущелье // НА СОИГСИ. Ф. 4. История. Оп. 1. Д. 58 а, б.
28. *Миллер В. Ф.* Осетинско-русско-немецкий словарь/Под. ред. и доп. А. А. Фреймана. Л., 1927. Т. I.

29. Миллер В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь/Под. ред. и доп. А. А. Фреймана. В 3-х т. Л., 1927. Т. I; 1929. Т. II; 1934. Т. III.
30. НА СОИГСИ. Ф. 19 (Алборов Б. А.). Оп. 1. Д. 6.
31. Ковалевский М. М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века (Личные воспоминания) // Вестник Европы. 1910. № 5. С. 178-221.
32. Алиева А. И. Роль В. Ф. Миллера в развитии российского академического кавказоведения на рубеже XIX-XX в. // В. Ф. Миллер. Фольклор народов Северного Кавказа: тексты; исследования. М., 2008. С. 9-72.
33. Богданов В. В. Всеволод Федорович Миллер: к столетию со дня рождения (1848–1948): очерк из истории русской интеллигенции и русской науки // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1988. Вып. X. С. 110-174.
34. Дневник А. Й. Шегрена с сентября 1835 до января 1838 г. // Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шегрен: Исследование. Тексты/Сост., текстологическая подготовка А. И. Алиевой. М., 2010. С. 252-253.
35. Зичи Е. Путешествие по Кавказу и Центральной Азии // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1967. С. 283-297.
36. Динник Н. Я. Путешествие по Дигории // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1890. Кн. XIV. Вып. I. С. 1-61.
37. Сокаева Д. В. Этнографические сведения о святилище *Дигори изади лаггет* в до-революционной печати (А. М. Шегрен, Инал, А. Я. Рискин) // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 13 (52). С. 126-139.
38. И. С. Сел. Христианское // ППКОО. Цхинвали, 1987. Т. III. С. 82-83.
39. Собиев Ин. Сел. Карджын // ППКОО. Цхинвал, 1991. Т. V. С. 65.
40. Инал. В Дигорском ущелье // Терские ведомости. 1901. № 173, 175.
41. Кобычев В. П. Дигори-зад // Полевые исследования Института этнографии 1974. М., 1975. С. 132-141.
42. Собиев И. Т. К истории постройки Дигорского обводнительного канала // НА СОИГСИ. Ф. Экономика. Оп. 1. П. 26. Д. 139.
43. Дигорские сказания по записям дигорцев И. Т. Собиева, К. С. Гарданова и С. А. Туккаева, с переводом и примечаниями Всеv. Миллера // Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом Восточных языков. М., 1902. Вып. XI.
44. Хамицаева Т. А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973.
45. НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. П. 67. Д. 11.
46. НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. П. 62. Д. 148.
47. Памятники народного творчества осетин. Дигорское народное творчество в записи Михаила Гарданти/Предисловие, перевод на русский язык и примечания Гр. А. Дзагурова. Владикавказ, 1927. Вып. II.
48. НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова Г. А. Оп. 1. Д. 173. Л. 1-6.
49. Ирон адамон аргъаутгæ/Сост. А. Х. Бязыров. Сталинир, 1960. Т. 2. (На осет. яз.)
50. Ирон адамон сфæлдыстад/Сост. З. М. Салагаева. Орджоникидзе, 1961. Т. I, II. (На осет. яз.)
51. Нарты. Осетинский героический эпос/Сост. Т. А. Хамицаева и А. Х. Бязыров. М., 1989. Кн. I.
52. НА СОИГСИ. Ф. Лингвистика. Оп. 1. П. 30. Д. 110. Л. 1-8.
53. Северо-Кавказский институт краеведения. Памяти В. Ф. Миллера // Краеведение на Кавказе. Общекавказский научно-информационный журнал. Владикавказ, 1924. С. 21-22.

54. Миллер В. Ф. Древне-осетинский памятник Кубанской области // Материалы по археологии Кавказа. М., 1893. Вып. III. С. 110-118.
55. Древности. Труды Императорского Московского Археологического Общества. М., 1900. Т. XVI. Ч. II. Протоколы.
56. Туаллагов А. А. Зеленчукская надпись. Владикавказ, 2015.
57. *Fünf ossetischen Erzählungen in digorische Dialect*. Petersbourg, 1891.
58. Штакельберг Р. Р. Главные черты в народной религии осетин // Юбилейный сборник в честь Вс. Ф. Миллера. М., 1900. С. 20-23.
59. Богданов В. В. Всеволод Федорович Миллер. К столетию со дня рождения (1848–1948). Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки. 1948 // Научный архив Института этнологии и антропологии РАН. Ф. 21 (Богданов В. В.). Д. 8 а.
60. Туаллагов А. А. Всеволод Федорович Миллер и осетиноведение. Владикавказ, 2010.